

ПЛАГИАТ – КАК МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ!

Заранее предупреждаю, в этой статье не будет пламенных обличений и тыканий пальцами, не будет призывов «растоптать и уничтожить каленой метлой». Но раз уж тут везде собрались люди литературные, то и понимание явления никому не повредит. Давайте попробуем разобраться?

Термины и понятия.

Прежде всего, давайте отделим друг от друга несколько терминов, которые сплошь и рядом путают, создавая конфликты и радостно в них участвуя. Итак, в литературном процессе есть следующие аспекты отношений к чужому тексту (изначально авторски написанному другим человеком и обладающему признаками именно авторства – о другом поговорим попозже).

1. «Подражание».

Достаточно часто используемый метод написания собственного стихотворения. Находим его у самых что ни на есть классиков. Автор проникается эмоцией и образным рядом чужого стихотворения, и использует его как материал для создания собственного. В качестве примера можно привести ту же «Колыбельную» Лермонтова, варианты «Цыганочки» у Высоцкого и Галича, да и еще десяток-другой случаев. Классики, правда, чаще всего выбирали для подражания стихотворение пусть и известное, но не имеющее конкретного автора – так сказать, народное. Однако, бывало всяко.

Что важно именно в «подражании»? Прежде всего то, что автор второго стихотворения (и авторы всех последующих – подражания часто идут «цепочками») ставит перед собой конкретную новую задачу. Либо социальную (изменилась политическая или общественная ситуация, и потребовалось переосмыслить нечто классическое в новых реалиях), либо эстетическую (авторская лексика ложится на некий известный ритмический или мелодический рисунок). При «подражании» мы имеем право говорить об удаче или неудаче, но не о плагиате, тем более, что неписанные правила подразумевают точное упоминание автора (или автора и названия) исходного текста – в названии собственного произведения или в эпитафии. Так что, если мы читаем в названии «Из Пастернака». Или в эпитафии «Мне снилась осень в пересвете стекол», то возмущаться не надо. Все законные права соблюдены.

2. «Стилизация».

Частный случай подражания. Здесь меньше бывает признаков первичного текста (характерны многочисленные стилизации под ритмику «Ворона» Эдгара По, либо «Гайаваты» Генри Лонгфелло – но бывают и менее явные случаи). И все же речь идет о том, что автор использует отработанный кем-то стиль (одного стихотворения, либо вообще стиль конкретного автора – Маяковского, Бродского, Цветаевой – лишь бы было узнаваемо). Удачной стилизацию опять-таки можно считать только тогда, когда использование этого приема отвечает какой-то конкретной задаче (а витающие на подсознании личность первичного автора и его творчество помогают ей осуществиться). Бывают и менее ответственные случаи – стилизации эстетические. Так пишут в ритмах латиноамериканских (вспомните того же Бродского: «В ночном саду под гроздью зреющего манго..»), английских (лимерики всякие и баллады) и т.п. Хотя под Гомера. Главное, чтобы эмоция и мысль стихотворения выигрывали от выбранного стиля. В «стилизациях» наличие эпитафии или упоминания первичного

автора необязательно – на то она и стилизация, чтобы использовать узнаваемый и хорошо знакомый стиль. Добавлю, что под кого попало не стилизуются. Признак стилизации – это именно до боли знакомый источник, почти на уровне азбуки.

3. «Цитирование и аллюзия».

Опять-таки, в разумных дозах этот прием не только допустим, но и бывает весьма и весьма действенен для стихотворения. Если в свое произведение Вы вставляете строчку «Мой дядя самых честных правил» - да еще и заключаете ее в кавычки, то ни о каком воровстве речь идти не может. Аллюзия еще более пластична – в этом случае фраза про дядю звучала бы так: «Мой дядя самых честных правил, а жуликов бросал, как есть». С одной стороны, вроде вспомнили Пушкина, а с другой – родили свой, совершенно новый смысл. Примеров аллюзии миллионы – по сути, вся поэзия основана на том, что мы творчески перерабатываем наследие предков. И ничего плохого в этом нет: станем знамениты и читаемы, нас тоже станут перерабатывать. Это вроде медали для исходного автора. И литература таким образом получает вторую жизнь – и третью, и тысячную. Кому как повезет.

4. «Заимствование».

Вот тут уже мы переходим к моментам спорным. Ибо всему есть разумные пределы. И, естественно, разумный «кодекс чести». Если автор в свое стихотворение из 16 строк вставляет 8 строк чужих (пусть даже слегка измененных, хотя именно такие «правки» порой обижают исходных авторов более всего), то речь о «нормальном процессе» идти, естественно, не может. Более того, все подобные случаи ОБЯЗАНЫ закавычиваться и поясняться сносками. Аналогично, не может рассматриваться, как норма, вставка в свое стихотворение чужого образа (особенно, если образ сильный и сугубо индивидуальный) – написать, что «я летел к тебе, как добывший крови сокол» - это нарушение авторских прав Пастернака. Опять-таки, если данный образ использован «в лоб», а не служит для иронии (самоиронии), и подобных «извиняющих» случаев.

5. «Плагиат».

Наконец, добрались до страшного. Но и здесь есть некоторые моменты, которые всем участникам процесса (тем, кто ворует, и тем, у кого своровали) стоит иметь ввиду и учитывать. Давайте начнем с имеющихся определений.

Плагиат (от лат. plagio - похищаю), вид нарушения прав автора или изобретателя. Состоит в незаконном использовании под своим именем чужого произведения (научного, литературного, музыкального) или изобретения (БСЭ). Гуманитарный словарь уточняет: «Как правило, П. связан с публикацией чужого произв. под своим именем или созданием произв., использующего сюжет, замысел и иные особенности произв.» - понятно, в чем нюанс? То есть, хищением является не только тупая смена автора над (под) стихотворением или романом, но и использование авторских приемов, стилей, образного ряда, метафор – НЕКОЙ СОВОКУПНОСТИ, придававшей неповторимый вид исходному тексту.

Не упоминаю тут ещё несколько связанных моментов, но они носят более технический характер (например, «центон» - стихотворение, вообще целиком составленное из строчек других стихотворений). Однако, нужно упомянуть нюансы, которые следует иметь ввиду тем,

кто считает себя обокраденными.

Никто не отменял принципа «не введи во искушение». Всем известно, что Шекспир или, например, Конан-Дойль беззастенчиво «драли» у современников и сюжеты, и целые произведения, но... доводя их при этом до гениальности. Когда Вы публикуете произведение, далекое от совершенства, но несущее в себе пару-тройку удачных моментов, Вы автоматически порождаете в нечистоплотном читателе желание его «довести» и сделать своим. Другое дело, что на пару сотен испытывающих такое желание найдется (и то гадательно) только один, кто на самом деле в состоянии это сделать. Но у такого человека, как правило, есть и свои сюжеты, и свои приемы. И все же... То, что именно у Вас что-то воруют, говорит о том, что произведение было «мало авторским», и его блески терялись в общей массе остального. Вот плагиатор и почувствовал, что можно брать – «дескать, не заметят». Было бы все доделано – рука бы не поднялась. Слишком заметным является шедевр, да и просто хорошо и талантливо написанное стихотворение уже очень и очень заметно. Не без исключений. Не без уродов. Могут, конечно, и просто стырить. Но все-таки о сказанном предлагаю помнить.

Еще (чуть не забыл такой заметный пласт литературы, ай-ай-ай!) существует так называемое "эпигонство". Говоря совсем уж простым языком, кто-то до того "подсаживается" на некую сильную поэтическую личность (Блок, Цветаева, Бродский, Маяковский опять-таки), что начинает "размножать автора" своими собственными произведениями. При этом собственно заимствования нет, но так и хочется сказать: "неужели это именно N так слабенько писал когда-то?" И действительно, бывает почти неотличимо... Но все же это - не свое. Однако тут мы имеем дело чаще всего с легкой (или тяжелой) клиникой, потому не столько уже ругаемся, сколько сочувственно "цокаем" языком: "Эк, тебя, братец, засосало"...

6. «А плагиат ли».

К сожалению, бывает и такое. Например, десять (на самом деле их сотни и тысячи) авторов одновременно сравнивают любимую девушку с розой и желают ей никогда не знать «душевного мороза». А потом один из них обнаруживает сходство в текстах и бьет в набат по поводу факта плагиата.

Тут возмущенного автора приходится остужать. И, кстати, таких случаев вовсе не мало. Так что, до того, как начинать паниковать и звать полицию, попробуйте честно и сторонним взглядом оценить то, что Вы считаете у себя уворованным. Не исключено, что Вы использовали те слова (образы, метафоры и проч.), которые уже лет 100, как считаются штампом. А от того, что Вы в своем стихотворении слова местами поменяли или ритм другой применили, суть дела не меняется. Потому до того, как Вас обидят, сказав, что факта кражи не было, так как и красть-то было нечего, 5 раз подумайте. Потом – режьте, если что.

7. Что делать с явными плагиаторами?

Вопрос. Если честно, у меня однозначного ответа нет – наверное, все индивидуально. Кому можно по щекам нахлестать, кого выгнать с сайта, где опубликовано ворованное, а кому-то может быть и публичного извинения достаточно. Тут ведь какое дело: у нас стоит уличить человека в чем-то некрасивом, как тут же толпы набегают... Вот это пугает куда больше плагиата: я всегда боюсь фанатичного взгляда «поборника правды-матки и чистоты рядов» куда больше, чем обычного жулика. Может просто опыт? Но я бы предложил каждый случай делать явным, по каждому иметь решение. Ни в коем случае не «спускать на тормозах», но и к смертной казни не призывать... В общем – предмет для размышлений... Вот как-то так.